

Хренников Тихон
Николаевич

10.06.03

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ

ЖИВИ САМ

Наталья СКЛЯРОВА

— Это дочка, работает театральным художником. На днях в Нижнем Новгороде вышла премьера моего балета «Капитанская дочка» с Наташиними декорациями.

— Часто вместе работает?

— Не так уж часто, у нее и без меня сейчас работы хватает. Но мне с ней легче, чем с другими художниками: она великолепно знает и чувствует мою музыку. А вот внук, окончил факультет журналистики МГИМО, сейчас работает в кинопрокатной фирме.

— А правнук, кажется, пошел по вашим стопам?

— Да, Тишенко в последнее время увлекся музыкой — сам, я здесь ни при чем. Эта любовь в нем прорезалась «вдруг», и теперь он никакой другой музыки, кроме серьезной, слушать не желает. Он еще учится в школе, ему 15 лет, но уже классно играет на рояле, что-то даже сочиняет. Вообще сейчас столько талантливых ребят появилось — они в 12–13 лет играют, как в наше время играли взрослые пианисты! Ко мне недавно приехала одиннадцатилетняя девочка из Астрахани и сыграла первую часть моего концерта. Я был потрясен. Потом она выступила на конкурсе юных дарований в Москве, сыграла уже с оркестром и получила Гран-при!

— На зарплату «серъезного» музыканта, если он не звезда, не проживешь.

— Мне приятно, что недавно наш президент дал гранты семи самым крупным музыкальным коллективам: двум консерваториям, двум театрам и трем оркестрам. Теперь эти музыканты смогут жить по-человечески, а не бегать по разным оркестрам. Русский народ очень любит музыкален, но музыка может развиваться только тогда, когда ее поддерживает государство. Когда говорят, что вкладывать в культуру должны спонсоры — это чушь. Спонсоры любят класть деньги себе в карман. Я недавно встречался с Путиным и просил его поговорить с губернаторами, чтобы они продолжили его линию в своих областях. Он обещал.

— Я слышала, вы мечтаете возродить патриотическую песню.

— Советские песни были проникнуты духом патриотизма, сейчас патриотических песен нет вообще. Наверное, патриотизм в том виде, в котором он был, сегодня выглядел бы смешным, но он обязательно нужен. Здесь не может быть никаких рецептов, композиторы и поэты должны сами найти новые ходы. Когда тебе несколько месяцев не платят зарплату, патриотизм проблематичен, но, с другой стороны, настоящая, талантливая патриотическая песня может сделать очень многое для сплочения нации. Недавно одно старое промышленное предприятие на Урале праздновало очередной юбилей, и руководство пригласило Александру Пахмутову и Николая Добронравова написать песню о своем заводе. И они специально поехали туда и написали песню. Разве это плохо? Кстати, традиция колесить по стране и писать патриотические песни «к поводу» была, собственно, Пахмутовой заложена.

Ему не дашь его лет.
Сильный, поставленный голос, глаза блестят молодо.

Тихон Николаевич Хренников наливает чай. Я кладу рядом диктофон. «Да уберите вы его! Я вам потом все расскажу. Лучше ешьте вафли, и вот еще печенье. И мармелад. Я хочу, чтобы вы все-все попробовали!». Он до сих пор работает каждый день (в комнате — открытый рояль с исписанными мелким почерком страничками). Каждый день к нему кто-нибудь приходит: то коллеги — обсудить новые вещи; то режиссеры — заказать мелодию к новому фильму или спектаклю; то студенты консерватории — посоветоваться по поводу собственных композиторских экспериментов; а то внуки и правнуки — просто проводить деда. Стены огромной гостиной сплошь увешаны фотографиями.

И

Всё... Москва — 2003 — 10 июня — с. 7.

дился, где родились мои девять братьев и сестер, где жили мои родители, деды и прадеды. Там сейчас открыт музей честь меня, моим именем названо училище искусств, и памятник стоит (смеется). Я протестовал, но они сказали: «Вы уже сто раз могли помереть». Это город моих земляков, и роднее них никого для меня нет. Вот Марина (помогает Т.Н. по дому. — Н.С.) — она ведь оттуда. Завтра она уезжает, приезжает Вера. Они сами мне предложили помочь — три женщины, у каждой есть муж и дети, но они по очереди ездят ко мне, живут здесь по мере.

— Тихон Николаевич, я знаю, вы решили стать композитором, прочитав биографию Моцарта. Интересно, если бы вам так же попривилась биография Эйнштейна — стали бы физиком?

— Я просто любил музыку и рано выучился читать и потому читал много книг о музыке. В шесть лет мне попалась книжка о Моцарте, и она меня так потрясла, что я сразу дал себе клятву: буду композитором... И вот такое совпадение — недавно ЮНЕСКО наградил меня золотой медалью Моцарта за вклад в мировое искусство. Это самая дорогая для меня награда: в мире всего пять-шесть человек, у которых она есть.

— Вы, похоже, очень темпераментный человек?

— Я всегда был одержимым — во всем, что касалось музыки. С этой одержимостью я и ехал в Москву. У меня было всего 30 копеек на обед, я пешком ходил по Москве, потому что не хватало денег на трамвай, вечером падал без сил. Но занимался зверски. Моя сестра жила в одной комнате со своей семьей на Малой Грузинской, там стояло пианино. Днем, когда все работали, я приходил и играл. В доме напротив была поликлиника, туда ходила моя будущая жена и, сидя в длинных очередях у открытых окон, слушала, как я играю. Она мне потом уже об этом рассказала, когда мы с ней познакомились. Клара была удивительная женщина. Не зря я в нее влюбился и (решительно) не зря увел ее от мужа! Она его обожала, они вместе учились в школе. Очень красивый был парень.

Екатерина ЦВЕТКОВА

ДРУГИМ ДАВАЙ

— Вас лично работа «на заказ» стимулировала?

— Было время, когда я только успевал сдать музыку для одной кинокартинки или спектакля и тут же брался за следующую. Иногда приходилось сочинять сразу несколько вещей одновременно. У нас любят рассуждать, что, дескать, настоящее творчество и заказ несовместимы. Идиотизм! Глупость! Если тебе заказывают работу, значит, в тебе есть потребность.

Значит, хотят слышать именно твою музыку, а не чью-то еще. Величайшим художникам испокон веку заказывали определенные сюжеты. Все, что в жизни существует, — это все нормально. И плохое и хорошее. Надо только, чтобы люди, владеющие хорошим, жили сами и давали жить другим. Это одна из заповедей, подаренных мне отцом, когда я уезжал из дома в Москву. Мне было 15 лет, я еле играл на рояле и немножко сочинял, но Гнесины увидели во мне способности и пригласили к себе. Отец сказал: «Я не знаю, Тихон, что из тебя получится, но помни две вещи. Никогда сильно не расстраивайся от неудач и никогда не радуйся сильно своим успехам. Работай! Это первое. И второе — как бы ни сложилась жизнь, живи сам и давай жить другим». И я всю жизнь стараюсь следовать этим двум наказам.

90-летний композитор
Тихон
Хренников
и сейчас
следует
этому совету
своего отца

— И всегда получаешь?

— Я старался держать себя в руках. Когда приходилось тяжело (особенно к концу 80-х годов — все кому не лень лили на меня грязь и называли «сталинским комиссаром в музыке»), я спасался только работой. Все ненужные мысли отмечал. Сейчас все встаёт на свои места. Два дня назад мне позвонили со шведского радио, попросили интервью по случаю недели моей музыки в Стокгольме. Мы разговаривали целый час, а потом корреспондент сказал: «Знаете, Тихон Николаевич, ваши друзья в кавычках столько о вас гадостей говорили на Западе! Но сейчас в отношении вас здесь все повернулось на 180 градусов. У нас только что вышла книга, и там

говорится, что вы помогли освободить российскую культуру от

Сталина и культа личности, что при вас не было сослано ни одного композитора...».

Мне приятно это слышать, но я не очень удивлен. Я знал, что рано или поздно так будет, потому что моя совесть чиста перед коллегами. Я управлял Союзом композиторов 43 года, и за это время не то что не сослали никого — даже не арестовали.

— Вас, кстати, никогда не приглашали работать на Запад?

— Да какой Запад?! Я когда в командировку уезжал, меня уже через неделю тянуло домой, хотя меня во всех странах принимали как первого человека. Для меня самое святое место на земле — мой город Елец, где я род

Досье «ВМ»

Тихон Хренников родился 10 июня 1913 г. в Ельце. Композитор, народный артист СССР. Автор опер, балетов, музыки к спектаклям и кинофильмам: «Любовью за любовь», «Гусарская баллада», «Свиная и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Дуэнья», «Много шума из ничего», «Верные друзья», «Капитанская дочка», «Тroe», и др. Много лет возглавлял Союз композиторов.

— А как вы ее уводили?

— Очень просто — купил билеты и увез ее к себе в Елец. Тройки были уже не в моде, я нанял такси до вокзала. Все плакали — и ее мать, и она сама. Но она рыдать-то рыдала, а веши собирала (смеется). А вы как думали?! Если я влюбился, мне никто не мог помешать! Мы прожили вместе 67 лет.

— И, наверное, вы жених первой показывали свои новые сочинения?

— Они посвящены почти все ей. Клара могла так меня раскрывать, что приходилось переписывать все заново. Гуляли мы как-то раз (я еще за ней ухаживал), она спросила, что я сейчас пишу. Я ответил: «Любовную серенаду, завтра нужно отдавать». — «Ну-ка, интересно, интересно». Зашли ко мне в комнату, я сыграл. Мне казалось, моя музыка гениальная, а она ее разнесла в пух и прах: «И это так ты меня любишь? Ты говоришь, что обожаешь меня, что жить без меня не можешь — и пишешь такую музыку!» Что мне оставалось делать? Я сел и за ночь написал новую серенаду. Утром показал Кларе новый вариант, и она сказала: «Ну, это другое дело!» Клара несколько раз просто спасала мне жизнь. Я уже рассказывал «Вечерке», как она меня увозила из Барвики, пряча под юбкой. Думаю, если бы мне не досталась такая жена, я бы тоже был совсем другим.